

ОТЗЫВ

о диссертации Сухова Сергея Владимировича «Глагольные конструкции с частицей "себе" в русском языке и проблема среднего залога», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Не так давно я с изумлением обнаружил, что составители многих авторитетных толковых словарей русского языка затруднились сформулировать, чем женщина отличается от мужчины. «Женщина, — читаем мы в 3-м, Бодуэновом, издании словаря В. И. Даля, — <...> лицо женского пола, противоп. *мужчина*» и далее: «Мужчина, мушйна <...> человекъ рода *онъ*, не женщина, мужского пола». «ЖЕНЩИНА, — сообщает, в свою очередь, толковый словарь под редакцией Д. Н. Ушакова, — <...> 1. Лицо, противоположное мужчине по полу»; «МУЖЧИНА <...> 1. Лицо, противоположное женщине по полу». Совершенно аналогичные недостаточно информативные дефиниции рассматриваемых слов дают «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, Малый академический словарь, а также сравнительно новый «Большой толковый словарь русского языка» под редакцией С. А. Кузнецова. И только в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова — Н. Ю. Шведовой в толкование слова *женщина* внесено важное уточнение. «ЖЕНЩИНА, — сказано в этом словаре, — <...> 1. Лицо, противоположное мужчине по полу, та, к-рая рождает детей и кормит их грудью».

Приведенные примеры свидетельствует об одной из актуальных задач, стоящих перед современной русистикой, — создании методик информативных и непротиворечивых определений лексических значений. Не менее актуальна и другая задача — разработка методики четкого разграничения инвариантных (языковых) значений лексических единиц и тех разновидностей содержания слов, которые появляются у них в речи под влиянием определенных элементов контекста. Решению обеих названных задач на материале детального рассмотрения русской частицы *себе* и посвящена рецензируемая диссертация С. В. Сухова, что, безусловно, свидетельствует о высокой актуальности ее темы.

Если говорить о научной повизне данной темы, то она состоит в обращении к системному исследованию содержания и функций глагольных конструкций с частицей *себе* — проблеме, которая прежде не получала целостного освещения и в разное время изучалась лингвистами лишь фрагментарно, на основании

несовпадающих теоретических принципов и на весьма ограниченном речевом материале.

Не останавливаясь на оценке всех научных результатов рецензируемой работы, коснусь только тех из них, которые, как мне кажется, заслуживают особого упоминания:

1. Главным достоинством рассматриваемого исследования представляется его почти исчерпывающая многоаспектность. В четырех главах диссертации автор подробно рассматривает, во-первых, полную историю изучения русских глагольных конструкций с частицей *себе*, во-вторых, значения и функции данных конструкций в текстах XVIII—XXI века, в-третьих, динамику становления исследуемых конструкций в истории русского языка и, наконец, в-четвертых, вопрос о возможности квалификации этих конструкций как средства выражения, вероятно, формирующейся в современном русском языке грамматической категории среднего залога.

2. Исследование является результатом тщательного анализа большого по объему и разнообразного по времени создания и содержанию речевого материала, и это обеспечивает убедительность тех выводов, к которым приходит диссертант. Обращает на себя внимание оригинальный способ сбора материала. Как отмечено в сноске 2 на с. 106 диссертации, «тексты, послужившие источником материала для исследования, подбирались в значительной степени с использованием Национального корпуса русского языка; однако в дальнейшем все обнаруженные примеры проверялись непосредственно в печатных текстах, поскольку только анализ достаточно широкого контекста обычно позволял выявить и исследовать наиболее показательные случаи; поэтому в библиографии в качестве источников указаны использовавшиеся печатные издания». На мой взгляд, описанный подход к материалу заслуживает высокой оценки: обращение к национальному корпусу обеспечивает максимально большое количество выявленных примеров исследуемого явления, а перепроверка этих примеров по печатным текстам позволяет детально проанализировать контексты, в которых они выступают.

3. Не менее интересны и результаты использования метода лингвистического эксперимента, включающего опрос информантов, к которому автор прибегал, во-первых, для проверки восприятия носителями русского языка семантики частицы *себе* (с. 85—89), а во-вторых, для определения степени распространенности конструкций с частицей *себе* в современной русской речи (с. 137—141).

4. Кроме того, положительной оценки заслуживает подробный и, по-видимому, почти исчерпывающий анализ истории рассмотрения глагольных конструкций с частицей *себе* в грамматической науке (глава 1 диссертации), а также детальное и убедительно аргументированное рассмотрение истории становления глагольных конструкций с частицей *себе* в истории русского языка (глава 3).

5. Работу отличает логичность и стройность композиции, а также четкость изложения. С этой точки зрения особо следует отметить конкретность и высокую информативность раздела «основные положения, выносимые на защиту», чего, к сожалению, очень нечасто удается достигнуть авторам кандидатских диссертаций.

6. На мой взгляд, теоретическая ценность проведенного исследования заключается не только в том, что, как об этом сказано в работе, «его результаты позволяют получить целостное представление о функционировании глагольных конструкций с частицей “себе” в системе русского языка; кроме того, они открывают возможность до некоторой степени расширить и углубить представления о природе и развитии грамматической категории залога» (с. 7), но и в том, что в диссертации предложена эффективная методика построения четких и непротиворечивых дефиниций языковых значений и контекстуальных смыслов языковых единиц. Что же касается практической значимости данного исследования, то она состоит в возможности использования полученных результатов в лексикографической практике, а также в школьном и вузовском преподавании русского языка, в том числе и русского языка как неродного.

Что касается критических замечаний, которые вызывает у меня диссертация С. В. Сухова, то они сводятся к следующему:

1. Представляется, что некоторые из слов и словосочетаний, которые устойчиво функционируют в тексте диссертации так, как будто бы перед нами общеизвестные термины, остро нуждаются в четких дефинициях. Так, важнейший из выводов исследования состоит в том, что «частица “себе” в сочетании с глаголом в современном русском языке выражает основное значение замкнутости действия в сфере субъекта» (с. 4). Однако как следует понимать словосочетание *замкнутость действия в сфере субъекта*: как полное отсутствие каких-либо объектов или обстоятельств обозначаемого действия, как то, что субъект производит данное действие, невзирая ни на какие обстоятельства,

или как-либо еще? Однозначного ответа на этот вопрос в диссертации я не нашел.

Аналогичного уточнения, на мой взгляд, требует и утверждение о том, что в сочетании с глаголами, имеющими лексическое значение передвижения или пребывания в каком-либо состоянии, «частица “себе” является актуализатором того их значения, которое отражает замыкание их действия в сфере грамматического субъекта (медиальное значение)» (с. 5). Согласно «Словарию лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, как, впрочем, и целому ряду других лингвистических словарей, термин *актуализация* имеет в современной лингвистике три общеизвестных значения: (1) 'Соотнесение потенциального (виртуального) знака с действительностью, состоящее в приспособлении виртуальных элементов языка к требованиям данной речевой ситуации посредством актуализаторов'; (2) 'Воспроизведение в речи элементов языка --- напр. вариантов фонемы --- в виде, необходимом для их естественного функционирования' и (3) 'Такое использование элементов языка, которое воспринимается как необычное и поэтому привлекает к себе внимание, напр. поэтическая (живая) метафора'. Относится ли употребляемый С. В. Суховым термин *актуализатор* к одному из трех вышеперечисленных значений слова *актуализация* или обозначает какое-то другое понятие, неясно, а потому следовало бы сопроводить этот термин определением.

В отличие от только что упомянутых, лингвистический термин *частица* достаточно хорошо известен. Представляется, однако, что рассуждения С. В. Сухова о том, как в истории русского языка форма дательного падежа возвратного местоимения *себя* превратилась в частицу, было бы целесообразно предварить напоминанием о том, какими отличительными признаками обладают частицы и что отличает их от местоимений.

2. В ряде случаев при наборе текста диссертации были допущены технические погрешности, несколько затрудняющие и замедляющие ее чтение:

- Так, вопреки общепринятым нормам анализируемые в тексте работы языковые единицы не выделены курсивом.

- Такого же курсивного выделения требует и содержащееся в приводимых текстовых примерах слово *себе*. В противном случае при анализе этих примеров читателю часто бывает трудно его найти.

- Для обозначения сносок автор почему-то использует строчные цифры (типа 1), а не, как это общепринято, цифры в формате надстрочного знака (например ¹).

- На с. 155—156 странно оформлена цитата из книги Д. Н. Овсяннико-Куликовского, опубликованной в 1902 г. В соответствии с орфографическими нормами того времени на конце слов после твердых согласных стоят буквы ъ. Однако вопреки старым нормам в этой цитате почему-то не используются буквы і и ѣ.

- На с. 31 автор положительно оценивает статью И. Е. Шуваловой «О взаимосвязи значения глагола и частицы “себе”» (Шувалова, 2005). Однако в библиографии к диссертации обозначение этой статьи почему-то отсутствует.

Очевидно, что только что высказанные замечания не снижают положительной оценки научных результатов рецензируемого исследования. Поэтому, подводя общие итоги всему сказанному, следует отметить, что рецензируемая диссертация может быть оценена как научно-квалификационная работа, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития языкознания, и, таким образом, данная работа полностью соответствует требованиям к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, изложенным в пункте 9 ныне действующего «Положения о порядке присуждения ученых степеней», а также в пунктах 10—14 этого положения. Таким образом, автор рецензируемой диссертации, С. В. Сухов, вполне заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук.

Доктор филологических наук, профессор
кафедры сопоставительного изучения языков
факультета иностранных языков и регионоведения
Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова

М. Ю. Федосюк

15 марта 2018 г.

Подпись *Федосюк М. Ю.*
52300000 *Федосюк М. Ю.*
Сухов

Сведения об оппоненте: Федосюк Михаил Юрьевич, доктор филологических наук, профессор кафедры сопоставительного изучения языков факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Адрес: 119192, Москва, Ленинские горы, 1. стр. 13—14 (IV гуманитарный корпус), комн. 237.

Тел.: +7 916 509 86 24

E-mail: m.fedosyuk@yandex.ru